

Б И Б Л И О Т Е К А

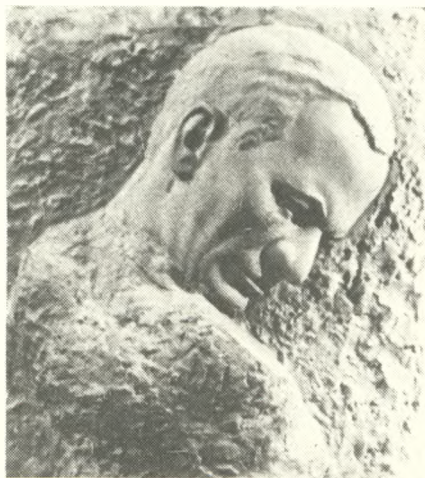
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1990

Андрей ПЛАТОНОВ

**Д Е Р Е В Я Н Н О Е
Р А С Т Е Н И Е**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Издается с января 1925 года

Андрей ПЛАТОНОВ

ДЕРЕВЯННОЕ РАСТЕНИЕ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Пожалуй, не погрешу против истины, сказав, что знаменитый Дом Герцена на Тверском бульваре, он же булгаковский МАС-СОЛИТ-«Грибоедов» (завидна судьба-история этого старинного особняка!), для многих студентов размещенного здесь Литературного института в большей мере был и остается Домом Платонова. В этих же стенах Андрей Платонов жил и работал двадцать лет, и еще до середины 70-х на втором этаже флигеля, в соседстве с учебными аудиториями, сохранялась в неприкосновенности вдовой и дочерью писателя обычная московская квартира гения отечественной литературы двадцатого века.

Впрочем, еще и в те недавние времена, пока провидческие книги писателя были спрятаны от нашего народа в спецхраны архивов и библиотек, гениальность Андрея Платонова считалась столь же очевидно-абсурдной, сколь доказательство теоремы Ферма. Как будущие «литрабы», мы платоновское творчество проходили — по разделу «советская проза 20—40-х гг.» — полубегом, в предзачетной спешке, по учебнику-хрестоматии для гуманитарных вузов, где в труху было пережевано, что нам следовало усвоить. Но в оттепельные шестидесятые Дом Платонова успел приоткрыться — пусть и ненадолго, однако щелочка осталась, манила, и соблазн «случайно» обознавшись дверью проникнуть в этот Дом был велик...

Тяготы жизни не приучили вдову писателя Марию Александровну к доверчивой открытости, и все-таки особенно упрямых поклонников Платонова она пускала в квартиру, дарила беседой, давала читать — под залог студенческого билета или на честное слово — платоновские книги и журналы. Литинститутское начальство знало все — Мария Александровна сетовала: ректор не раз призывал ее «прекратить свои ликбезы». Запреты, понятно, цели не достигали — слишком притягателен был Дом Платонова. Андрей Платонович, переехав в Москву, поселился в этой квартире тридцатилетним сложившимся писателем, автором нескольких книг. Но работу над «Чевенгуром» завершил здесь. И очерки,

вызвавшие великодержавный гнев, и повести «Котлован» и «Ювенильное море», и рассказы «Такыр», «Возвращение», «Фро», «Одухотворенные люди», роман «Джан» и десятки других повестей, рассказов, пьес — тоже здесь. Полная трагизма жизнь Платонова оживала в медленных воспоминаниях Марии Александровны: чудовищный гнет многолетней травли, арест и гибель сына Платона (Тоши, Тотика, как называл его отец), нищета, война, болельзнь — здесь, до последнего январского дня 1951 года.

В конце концов институт при помощи СП выхлопотал для вдовы и дочери Платонова отдельное жилье и взял весь флигель: квартиру писателя перепланировали, разворотили старинный камин и растащили изразцы на сувениры, а кабинет Андрея Платонова — с чугунным балконом, опирающимся точеными ножками о тротуар Тверского бульвара, — занял декан заочного отделения...

В начале 80-х я приходил к Марии Александровне в дом на углу Малой Грузинской и Большого Тишинского, в ее крохотную комнатку, где еле поместились кожаный диван Платонова, принявший его последний вздох, и массивный письменный стол-бюро, в многочисленных ящичках которого некогда десятилетиями лежали невостребованные рукописи. Приходил уже не студентом, не гостем: долгими уговорами, заручившись ходатайством известных писателей, убедил Марию Александровну не скрывать дальше записные книжки Андрея Платоновича, плотно набитые в картонную коробку, — разобраться в заметках, датировать их, снять копии... За полтора года эта работа была нами сделана. (Необходимые пояснения к текстам даны в конце книжки. Эмоции тоже опускаю: вообрази, читатель, что сам ты одним из первых заглянул в рукописи гения, а после, вникнув уже в платоновские записи и по достоинству оценив их пророческий смысл, представь, как ково было прочитать т а к о в годы всесоюзной эйфории и повального запрета любой живой мысли.) Понимая, что шансы почти нулевые (тогда существовало вето на появление «новых» художественных произведений многих ушедших писателей, в том числе и Платонова), мы все же решили рискнуть — подготовили для печати подборку наиболее интересных текстов (ведь не «художественное произведение» — всего-навсего книжки записные!). Понятно, и записи к не изданным у нас повестям и роману включили, в расчете на редакторское неведение, и откровенный «непроходняк» — чтобы красному карандашу и ножницам было где погулять. И почти половину подборки удалось в два приема напечатать в писательском еженедельнике («Литературная Россия» № 1'82 и № 21'83), пусть и с ощутимыми потерями. Вторую публикацию Мария Александровна уже не увидела... Только шесть лет спустя в «Огоньке» (№ 33'89) вышло все, отсеченное прежде.

Сегодня Андрей Платонов вернулся к нам, полностью и навсегда. Из-под семи замков выпорхнули его арестованные больше чем на полвека книги. В день его девяностолетия на фасаде Дома на Тверском открыта памятная доска, выполненная товарищем Андрея Платоновича скульптором Федотом Сучковым (фрагмент ее — портрет-барельеф писателя воспроизведен на нашей обложке). Восстанавливается мемориальная комната. И стало возможным исполнить желание Марии Александровны, — издать подготовленную нами подборку из записных книжек Платонова так, как изначально мечталось, — у себя д о м а и без идеологических купюр.

Георгий ЕЛИН.

ок. 1927 г.

Эволюция — всмотрись, не велико ли возвращение.

Не значит ли то, что человек не знает правды: что правды нет и быть не может и не нужна она; что стремление к правде великое заблуждение, что жизнь имеет базисом не истину, а свободную игру и радость.

Истина — тайна, всегда тайна. Очевидных истин нет.

Я слишком богат, чтобы считать свои богатства.

Свобода живет только там, где человек свободен перед самим собой, где нет стыда и жалости к самому себе. И потому всякий человек может быть свободным, и никто не может лишить его свободы, если он сам того не захочет. Насилие, которое захочет человек применить как будто для удовлетворения собственной свободы, на самом деле уничтожит эту свободу, ибо где сила — там нет свободы, свобода там — где совесть и отсутствие стыда перед собою за дела свои.

На суд Божий явились два человека: один еле живой, умирающий, другой цветущий и радостный.

— Что ты делал? — спросил Бог первого.

— Всю жизнь умирал во имя Твое, — отвечал тот.

— Для чего?

— Чтобы не умереть.

— А ты? — спросил Бог второго.

— Всю жизнь боялся смерти и заботился только о теле своем.

— Для чего?

— Чтобы не погасла в нем жизнь.

Тогда сказал Бог обоим:

— Оба вы хотели одного — жизни и ушли от нея, один в неживой дух, ибо умертвил тело, другой в мертвое тело, ибо забыл все, кроме тела. И оба вы мертвы. Но вот, если бы вы постигли, что дух и плоть одно — оба были бы вечно живы и радостны радостью Маей. <...> Не много дорог в мире, а одна, не многие идут по ней.

- Что же теперь делать нам? — спросили согрешившие.
- Понять себя и жить сначала.

Закон мировой необходимости — закон мировой свободы.

Свобода — вот причина мира (космоса и гражданского состояния).

В сущности нет ни детей, ни взрослых — есть одинаковые люди. Взрослый ни дороже, ни дешевле ребенка.

Дети — все разумные люди. Великая ложь смотреть на них сверху; они хитроумный, удивительный и наблюдательный народ.

Гений: он слабых задушит, сильным даст жизнь.

Знание это золото веры, разменянное на медяки.

Искусство заключается в том, чтобы посредством наипростейшего выразить наисложнейшее. Оно — высшая форма экономии.

Люби и верь и будешь счастлив!

1928—1930

Это не животное, а прямо человек.

«Котл <ован>»: отняв имущество, опустошили душу.

Интернационал велик — жители найдутся.

Законы для отсталых элементов.

Дети не едят сахару, чтобы создать социализм.

Если сравнить живых с умерш <ими>, то живые говно.

Социализм пришел серо и скучно (коллективизация) как Христос.

Как хороша жизнь, когда счастье недостижимо, и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в парке культуры и отдыха.

Любви хотят люди, не имеющие общественного значения.

Типичн <ый> человек н <ового> времени: это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое.

Месяц как рыдать над миром.

Активист гибнет сам.

Чиклин тоже опустошен, активист тоже: социализм вышел из них.

Постороннее пространство

Все бабы одели штаны под юбки, а раньше носили юбки на голом месте.

Для «Чевенг < ура >»

Во время револ < юции > по всей России день и ночь брехали лаяли собаки.

Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли.

«Котлован»

Активист сам нарисовал К. Маркса как его понимал: диктатора антикулачника.

Как справимся не знаем, но все берем в свои руки — других рук нет.

Наша темная тоска боится света, она жмурится и у нее идут слезы горя от пришествия радости.

Женщина растет как всякая полевая культура.

Баба — база двора, а мужик — надстройка.

Попа расстригли и сделали, по его просьбе, под фокстрот.

Кулак подобен онанисту, он делает все единолично, в свой кулак.

Составлялись сводки, по которым видно, что обобщ < ествле > нию не подлежит только воробей.

Медведь-кузнец в колхозе; молотобоец, раскулачивает.

Ураган сорвал собрание; чтобы сохранить население для собрания, такое было отменено.

Колхозы живут, возбуждаясь радиомузыкой; сломался громкоговори-
тель — конец.

Оч < ерк >

В глазах раздвоилось и он взял половину себе.

Оч < ерк >

Жители, участники империализма.

— Ты же не знаешь слова шантаж, — как же я тебя могу шантажировать?

Раскулачили за то, что проживает девой.

Некогда поп гулял с девушкой. Теперешняя дочь той девушки — поповна, и ее раскулачили.

Как же толстый арбуз может расти на тонкой жилке?

После общ < ественной > стол < овой > дрались дома холодными примусами.

Революция — пускай идет, пока не споткнется. А споткнется, мы ее подыдем и опять она пойдет.

Мужики дирижируют у трубы радио.

Ты лошадка иди в колхоз, будь членом, а я подожду.

Рабочий так точно рассказал о способе повреждения, что его самого заподозрили во вредительстве.

Колхозы — одна наша надежда. Что ж нам делать без них? Опять бедствовать, нуждаться, жить безнадежно и видеть сало кулака, питаюсь печеной рожью.

Хоть и не мое и общее, а все же вижу крепость жизни и свою радость прочности.

Весна стучится в ворота нашего района.

Миллионное счастье

Люди в колхозе, даже при неурожае, стесняются жаловаться.

— Дай кусок сахару, а то выйду из колхоза! Я и вошел в колхоз из-за сладкого! Исключительно!!

Жеребенок отбилсЯ от матери и мечетсЯ меж двух пашущих тракторов, подбегая к ним поочередно, привыкнув, что пашет мать.

Ел стерву (падаль).

Мужик-колхозник это не прежний цепкий узким умом идиот, это уже мечтатель и фантазер (машина научила его сверхнадежде).

Мужик делает не потому, что понимает, а потому иногда, что уважает человека, а потом сознается, что я, ведь, дескать, не верил вначале.

В колхозных парикмахерских висят портреты Ленина, Силыча и др.

Нно, царя возила!!

Поселок Идея

Земля, поприще почвы — еше основа народа бедняков.

1931—1933

Что даже массы захохотали!

У меня личный пессимизм, а оптимизм — весь социальный.

Тоска жизни, продолжающаяся без надежды.

Баба, которая такая по характеру, что сама себе делает аборт.

Тайна проституции: единение тела предполагает единство душ, но в пр<оститу>ции настолько нет единения душ, настолько это явно и страшно, что нет любви, что от удивления, от гибели, от страха — «единение душ» начинает происходить. Т<аким> о<бразом> все, что доводится до ужаса, преодолагает ужас «со дна» и любовь происходит, гибель ликвидируется. Проституция м<ожет> б<ыть> прочней любви и культуры.

Старичишко, прозванный «фашистом». Он дровичся, физкультурник, оптимист, танцор, престижджитатор, атлет, едок, пловец... а дома, в одиночку, падает в обморок от измождения. Социально-же он хочет быть юным героем.

Старичок радостен, — ударник, разделяет эпоху, ликует.

Жовов, даже болея, и во всех несчастьях, чувствовал себя каким-то свежим, здоровым и спокойным. Его, еще, ничто не могло испугать, даже когда страх приближался к нему смертью, — Жовов силился испугаться, и не мог.

Шофер на шоссе Кавказа — тоже «Жовов».

Кузява зачастую путал себя с пролетариатом, — свое мнение считал классовым, классическим.

Трагедия, мука Жовова, что он хозяин, устр<оитель>, рабочий мира, но что-то мешает ему еще («Что-то» — Кузява).

Искусство должно умереть, — в том смысле, что его должно заменить нечто обыкновенно <е>, человеческое; человек может хорошо петь и без голоса, если в нем есть особый, сущий энтузиазм жизни.

«Чем наше будущее социально связано с прошлым теперь? Эта связь все же должна быть, как-бы ни было далеко, высоко наше будущее. В чем же? В чем некий «компромисс», без которого невозможен относительный синтез (смотри у Ленина). Противоречия ведь решаются «подобные», а не абсолютные. По моему — в бюрократии». (Речь в пригорт<одном> поезде)

Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни.

Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т. д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы.

Надо так до чего-нибудь доорганизоваться, чтоб жизнь вырабатывалась сама — без участия людей, а просто в силу взаимоотношения.

Из нового мира рождается новейший. Всякое существо несколько раз сбрасывает кожу, спускает сукровицу и т. д. — прежде чем получить постоянство.

Полпашкин (...Борисевкин) при несчастье, настоящем несчастье, жаловался — всем жаловался с глубоким чувством — и от сочувствия людей, сочувствия, которое превозмогало, превышало его несчастье, — полнел. Горе приносило ему телесную толщину.

Духарня вышла вечером рассекать воздух (гуляние).

В конце романа Кузява во сне видит капитализм и убивает Жовова для добычи из него скелета.

Красота есть обратное понятие. Кто некрасив, тот более намучен социальным неустройством. Кто красив, не избежал неустройства. Но через

некрасоту можно достигнуть высшей красоты. А некрасота, это преходящее состояние человека, когда он в мучительности.

Самара, вокзал, 29. VIII. 31 г.

Как народ смотрит на коллективизацию?
— Ничего: косо. (Кулак)

«Революция как доплатное письмо (когда денег нет)». (Сплетник)

Вот человек:

Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мчится по коридору своей жизни, ничего не сознавая, живя в полпамяти, трогая работу, не свершая ее, отмахиваясь от людей, от ума — и мчится, мчится, мчится, пропадая где-то пропадом, бесполезный, счастливый, удивительный.

...Кузява все знал, точно жил на свете вторично.

Надо быть живым даже для того, чтобы чувствовать смерть, горе, — мертвые ничего не могут чувствовать.
Для смерти нужны живые.

Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, военных билетов и т. д.

Очень важно!

Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — остается главным по содержанию навсегда, надолго. Серьезность Жовова, величие его, антиуродство, страши<ая> опасность жизни, ответственность за класс.

<...> Сущностью, сухой струей, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь.

Каждый человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все люди на самом деле замаскированы. Что если б человек был без маски! Как хорошо!

Вы думаете, что я страдаю полигамией, — у меня его не было... Точно так же никакого обскурантизма своей жизни я не встречал. Я люблю вас без всякого трюизма.

Остаюсь с плеоназмом и аннотацией — Курдюмов.

По утрам, по поздним ночам зажигается лампа электрич<еская> ,

и птица, думая, что уже наступило утро, начинает петь; но свет гаснет от выключателя — еще не утро.

Паразиты могут паразитировать и на положит < ельном > ходе революции. «Некоторые микробы смерти живут не только в болотах, но и в водах». Полпашкин, например.

Преодолеть, простить недостатки друг друга нельзя, не имея чувства родственности.

У меня волос мягкий, как мое сердце: попробуй!

Особо Полпашкин любил средне-прекрасных женщин.

Жизнь по черному, как в избе без трубы.

Шурубура — последний результат человека.

Очень важно!!

Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким жидким, усталым веществом. Субъективная жизнь — в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна.

Машины воспитывают людей; экскаватор воспитал меня, двигатель и др.

Химический человек, начиненный всеми веществами науки.

Отдел перестройки на ходу.

Как Полпашкин победил в одиночку солнце — в смысле того, что солнце работало, и рожь росла, а толку не было — люди ели мало и т. д.

При социализме не будет злобы и отчаяния, но глубокое страдание останется; не будет презрения, но ненависть будет...

Секрет Полпашкина: он однажды напугал зависимых немного от него людей. А дальше — он их лишь попугивал и они все больше пугались его, и удивлялись: откуда это сила у Полпашкина. А сила его из ихнего страха.

Полпашкин сам уходил со службы на службу, но таким образом, что это противоречило приказам, и после ухода за Полпашкина еще страшно доставалось его бывшему начальству, настоящему начальству, — Полпашкин становился страдальцем дня, делая все по своему желанию.

Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить воен < ную > промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все по-

гибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника.

Организационно-мощные контрталанты Полпашкина.

И он, мужик, вошел к ней в тесноту плоти и обмер. Это было много раз, но не бывало повторенья.

Взять целое учреждение и превратить его в тип одного человека.

Контр < революционе > р: — «Сов < етская > вл < асть > опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все».

Как организовали трест («пожарный»), не дали ему ни одного завода; трест побушевал, побушевал и кончился с криком отчаяния (устроил все Полпашкин).

Человек, лишенный любви, начинает жить страстями службы, — он спорит, страдает и любит в вопросах положения о «райсекторе», о «правах и обязанностях», — и в этом исходит струя его жизни.

Полпашкин ходил гордо по учреждению, подняв голову, — он один узнал, что такое хозрасчет и всем указывал на их жалкую ничтожность в важнейшем вопросе.

Настанет время, когда за элементарную ныне порядочность, за простейшую грошевую доброту, — люди будут объявляться величайшими сердцами, гениями и т. п., настолько можно пробюрократить, закобинировать, зажульничать, замучить обыденную жизнь, — это отход, отброс от великого стр < оительст > ва, Жовова.

Смерть включена в жизнь и борьбу Жовова: он несколько раз умирал, обмирал от ударов труда и классовых врагов.

Жовов, сделав социализм, изменился так, что оставил социализм для Полпашкина.

Ч р < е з в ы ч а й н о > в а ж н о.

Жовов получается в результате — необходимости обороны страны от внешних буржуев, ликв < идации > кулаков и мелкой, сочащейся, гнойной буржуазии своей (Полпашкин); в результате сопротивлений, необходимости — он не чахнет, как бывает всегда, а возрождается от напора на него смертных сил.

Как испуг, тронутый преступлением в одном месте, идет кругами, захватывает покаянием всех и мир погружается в трепет души и понос желудка. Стихия.

Полпашкин развертывал всякое строительство безо всего — без средств, без машин, без места, с тем, чтобы бузывать на темпах, делать политику счастья, отвлеченную, как мистическое нечто.

О ч < е н ь > в а ж н о .

Пролетар < ский > человек дов < олен > ж < изнью > , — которому везде радостно, он всюду пополняет впечатления от б у д у щ е г о , везде, где чуть будущего, — он рад, терпелив, счастлив. Великий товарищ! Заботчик бесконечный о социализме.

Ж < овов > к чугуну относился как к собственной плоти, лучше чем к своему телу.

N (Борисевкин) был рад, когда входил контролер и проверял билеты. Он предъявлял билет контролю с наслаждением, с покоем радости своей жизни, что все у него в порядке, все благоустроено, — другие мерзавцы живут хаотично, без денег, без билетов, без выполнения директив.

В чем секрет? В том, что учрежд < ения > ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, проследжки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все кладется мелочью, трется и тихо выходит д е л о . Т < ак > ч < то > учреждения полезны, но не работой, а суетой... < ... >

Как заплакали революция, я и Тотик. Полпашкин травил-травил, думал — бесконечная сила перед ним, а сила заплакала, п < отому > ч < то > она была живая и растущая, а не монументально-мертвая. Даже Полпашкин был стронут в своем сердце печалью и дозой сочувствия к революции.

«Надо принимать меры» — выйдет что или не выйдет, это вопрос неважный. Важно — лишь принять меры, учредить суету, за которую отвечать не нужно и не будешь отвечать, если даже меры не дадут никаких результатов.

Человек, не проявляющий чувств никаких, и тем заслуживающий себе великий грозный авторитет. Он молчалив и знает, что чувства губят репутацию, человеческие явления < сути-? > противоречат авторитету, нечеловеческие помогают ему.

Новый тип: беспартийный, за культурную жизнь, за чистоту, за маски Осоевиахима, за здоровую советскую общественность и т. д. и т. п., — в сущности единственно возможная буржуазная форма человека в наших условиях (инж <енер> Антонов, Бондарчук). Сугубая беспартийность! Чистоплотность!

Идеологическая аккуратность! Преданность!

Совершенствуется не только техника производства материальн <ой> жизни, но и техника управления людьми. Не настанет ли в последнем кризиса перепроизводства, кризиса исторической безвыходности.

Психоз труженников, что на каждого обращено непрерывное внимание всего человечества <...>.

- Разрешите провести с вами несколько мгновений.
- Проведите, пожалуйста! Сколько?
- Да мгновения 4!

Ни то любить, ни то подрематься пойти? — подрематься!

Мы должны всей своей тяжестью повернуться к рабочему.

Борисевкин заклинает в одиночестве: мы уже совершили, уже вступили, уже закончили в основном и т. д.

Человек, возможно Борисевкин (нет — лучше другой), говорящий документально, фразами протоколов, живущий также четко, ясно, счастливо, удивительно.

Им нравилась мучительная суета, неурядица, неустройство, пустошь и ничтожность их учреждения. Именно это их связывало, — несчастье, грустная доля.

Человек то верит в социализм, то нет. Он в доме отдыха: он верит, он в восторге, он пишет манифест радости; в поезде сломалась рессора, пассажиры набздели, — он не верит, он ожесточается, и т. д. — и так живет.

«Государство, держащееся на чтении книг, падет». (<... — неразб. — Г. Е.> сплетня). В «Мак <едонского> офицера».

Благонамеренный единоведец

Провинц <иальная> газета пишет лозунгом-шапкой: «Условия т. Сталина выполнены только на 18%».

Человек, не верящий ни во что, никак, пустой, — исполняющий потому наилучшим образом любое высшее предназначение: такой тип только и нужен.

(в поезде) 2 чел <овека>, один интел <лигент>, друг <ой> — «чуйка»

Тема романа.

Стратилат делал коммунизм, а сделал другой мир, — ничто в обычно-пошлом, нашем злободневном смысле, а другой мир истории, другую категорию, которая могла объективно выйти, выйти из развороченных форм прошлого и субъективно-классовой воли Стратилата — не мир Келлера или мой коммунизм, но нечто исторически-прекраснее, неожиданнее, неизвестнее и действительно необходимое и простое.

Вот — основное и высшее противоречие судьбы Стратилата, романа и нашей истории. История будет не та, что ожидают и что делают. Это и есть коммунизм.

Вглядеться в технолог <ический> процесс — страсть.

Человек не перестает жить потому, что у него нет пищи, одежды, жилища. Дайте ему! — он перестанет.

Как дам, — дак ты из сапогов выскочишь!

Изобретатель — делал электрическое учреждение, доделался же до того, что кипятил чай в электрической катушке, — и тем дело кончилось.

«В Задонск!» — лозунг отца, крестьянский остаток души: на родину, в поле, из мастерских, где 40 лет у масла и машин прошла жизнь.

Рыли котлован под фонд <амент> клуба, нашли ветхий гроб без покойника и в нем четверть водки. Выпили. Водка была нормальна.

Мы не шкурщики.

Открыта подписка на Распоряжения Н <ар> К <о> Мата.

Если он остался жить и не сошел с ума, то это — роскошь.

Полпашкин, работая в учреждении, действовал так, что занимался своими делами, а когда кто подходил, то начинал тыкать пальцем в чертежи, говорить безумные слова и пр., а потом сразу переходил на свое дело — получался бред жизни.

А ты прояви максимум инициативы, соединенной с соответствующей гибкостью-то!

Он пользовался местным авторитетом.

Есть такая версия:

Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренно думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного «плаката», — но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна на ряду с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет, и быть им не может. Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них.

В учреждениях уже жили кошки, все было освоено житейски, навеки.

Вначале класса — чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий.

Чем живет человек: он что-нибудь думает, т. е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным.

«В революцию выигрывает «боковая сила», т. к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забирает все». Сообщение мыслящего мещанина.

«Темная личность с горящим факелом»

Сам делал преступления, сам на себя доносил, ибо все равно узнали бы: пусть уж знают от него. Арифметика: что он преступник — плохо, что занимается с а м о с о б щ е н и е м хорошо, и простят.

Законы есть, но их надо выполнять не враз, а постепенно! (Тарасов)

Время идет, зреют накапливаются юбилеи, 100-летия со дня рождения и пр.

Полпашкин собрал чл <енские> взносы в МОПР и т.д. сразу за 5 лет вперед, дабы уже все были членами, иначе нельзя.

Сношения с Парижской Академией Наук на предмет гравитации.

Для долговечности нужно поставить себя в положение «накануне ликвидации» — и проживешь два века.

Великая глотка под пустяковой головой (Божинский).

Рассказ девочки о корове:

У коровы по четырем углам стоят ноги. Из коровы делают котлеты, а картофель растет отдельно. Корова сама дает молоко, а индюк старается, не может.

Человек, просивший записать его в инвентарь обществ <енной> собственности, чтобы остаться целым.

Все это рассказать нельзя — можно только на скрипке сыграть!

Он изредка шептал губами, что <-то> полагая и противопологая.

О человеке, которого пугают газеты, п<отому> ч<то> били и бьют его за политпороки. Его душевное состояние ужаса непроходящего.

«В этом большом, среди многочисленности населения...»

Писать не талантом, а человечеством, сущностью своею.

Вневойсковик из страха перед жизнью, из одиночества, из боязни наказания, из ужаса... стал работать усердно склонясь. Его случайно поставил н<ачальни>к в образец, вокруг вневойсковика создали компанию, — объявили ударником, так пошло.

<...> Горе человека вел <икого> врем<ени> в том, что пролетариат завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для оригинальной, удивит<ельной> формации буржуазно-аппаратной демократии. Он увидел в революции чистый свет мира, превращенный в бред. И человек — в бреду. <...>

<...> Удивительно, что люди жались к ЖАКТ'у, к конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры, и в мире вечные вопросы мучения.

Страд<ание> души от неизвестности: кто является членами ВСНХ, помимо чл<енов> Президиума; есть ли вообще чл<ены> Совета НХ? Содрогание, мука...

Челов<ек> велик<ого> времени. Он боялся куда-либо выехать даже на 5 дней — из боязни, что появится новое объявлен<ие> военкомата.

«Дело в том, что и один — выбранный для мысли — не может думать... Никто не думает». Речь в местке.

Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием — счетоводы» и т. д.). Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться в провинции.

Сознание, оно не предмет искусства; сознательный человек поддается только иронической форме произведения. Похоже на к <онтр>рев <о-люционный> лозунг. Да, потому что революция это в основном чувство, организм, элемент, музыка. Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно к <онтр>революция, т <о> е <сть> непрочное слишком состояние.

Сквозь череду горя, труда и бедствия — к молодости, к вере и радости. <...>

Что эти кости делали, когда на них тело было!

Убили нечаянно женщину: чорт с ней, она же мещанка была!

Меня в Парке К <ультуры> и Отд <ыха> никуда не тянет — только в 5-ое отд <еление> милиции!

Человек, знакомый с тысячами лично.

От нее пахло жизненными отходами.

Страна темна, а человек в ней светится.

Чувствуется земной шар в Л <енин> граде.

Напряжение нежности

Человек, гибнущий от скандала, затеянного им по поводу сдачи у газетчика; человек, одержимый энергией скандалов, спорщик, крайне впечатлительный, активный на любой беспорядок, дерзкий, вызывающий на бой всю прорву мира... Великий новый тип! «Буржуй в социализме».

И новые силы, новые кадры могут погибнуть, не дождавшись еще, не построив социализм, но их «кусочки», их горе, их поток чувства войдут в мир будущего. Прелестные молодые лица большевиков, — вы еще не победите; победят ваши младенцы. Революция раскатится дальше вас! Привет верующим и умирающим в перенапряжении.

Я с тобой сошелся не этичничать!

Старуха 82 лет, ведьма, спит от голода, пьет от голода воду, увидя ребят, детей — вся сияет!

Прекрасная, милая жизнь! Возраста нет!

А ребята от нее бегут.

Мыслят «свободно» тогда, когда ничего, никакой цели не остается.

Не отставая от Ленина ни на шаг! — (Сказано искрен <не> и хорошо)

Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства.

«Все вышеуказанное будущее!»

Человек продал свой скелет. Купивший скелет приставил к человеку сторожа, чтобы во время смерти его скелет не испортили собаки.

Разоблачение радости.

«Всенародная инсценировка»

Мечта об интервенции вероятно долго будет жить, даже при коммунизме, пока не обратится в смерть негодяев-интервентов.

При смерти люди чувствуют сухость и им хочется чего-то влажного.

Написать, как я воображаю со слезами человека всюду: на паровозе, на аэроплане и т. д.

— Что у нас — соц <иализм> или капит <ализм> ?

— Тюря!

И н с ц е н и р о в щ и к радостный и уверенный — исполнитель радостный всех директив. Сначала ему было неловко и смешно, потом привык и стало «внешнее» внутренним.

«Вы строите соц <иали>зм дл <я> славы и чести, а мы — для жизни, для необходимости.»

Как непохожа жизнь на литературу (Мальчик в Мелекесе): скука, отчаяние. А в литературе — «благородство», легкость чувства и т. д. Большая ложь. — Слабость литературы. Даже у Пушкина и Толстого и Достоевского — мучительное л и ш ь «очаровательно».

Всюду герои — читал Кузява, — а среди тысяч знакомых людей он таких не нашел ни одного.

«Если вы, товарищи, чувствуете голод, то это неверно, товарищи».

Нам только дай привыкнуть (к соц <иали> зму), — тогда нас не остановишь.

Сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа (к л а с с а) — самое та к о е самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, с умницей, к <о> т <о> р <ый> жалеет мучается, что он живет в дурацком положении.

Рыбы дышат ветром, останавливающимся в воде.

С отсталыми надо говорить именно официалън <ым> языком: мероприятия и т. д. — иначе они поймут, но не по вер я т, а тут, не поняв, по вер я т.

Темное тепло

Конец света: и люди стали настолько глупы, что уже практика их жизни, действительность, ничему не могла научить их, лишь разучивала и приводила к обратному.

«Оставляя для судьбы широкие проходы».

<...> в каждом человеке есть свой греющий очажок, иначе он, чел <о> век >, не прожил бы и минуты.

Дед закусывал водку, выбирая тесто из своей бороды.

Уже марширует на учебн <ых> занятиях где-нибудь в Германии тот человек, который убьет меня.

«Оружие в мире фашизма действует быстрее пера писателя».

В е л и к а я т е м а :

Женщ <ина>, всецело связавшая себя с мужч <иной>. И вот они стареют, тогда ж <ена> говорит мужу: как бы я хотела встретить еще раз такого же, каким был ты, — живой, увлекательный, искренний, первобытный, — влюбиться в него и потом умереть: больше не надо уж ничего!

Муж-милиционер арестовывал жену за мещански-антисовет <ские> настроения, говорил «это взятка», когда его угощали стаканом чая.

Инстинкт «человечности и пр.» крайне непрочен, он исторически приобретен, он может быстро замениться «основным» инстинктом животного эгоизма.

Ночное пение аэродинамических труб во всех крупных городах мира — вот мелодия времени, истории.

Крестьянин имеет переменную душу от погоды природы, от ветров и потоков.

Жене мужа влюбленный ин < жене > р подарил беличье манто. Не зная, куда его деть, боясь мужа, жена заложила манто в ломбард, а мужу показала квитанцию, сказав, что нашла ее: интересно бы посмотреть, что за такое пальто — манто. Муж пошел получать пальто-манто по квитанции. Увидел, манто хорошее. Отнес в подарок его своей любовнице, а у любовницы взял ее ледящее пальто-плоскушку и принес жене. Жена, видя что это не беличье манто, а обман, — в истерику. Муж в недоумении. Но жене беличье манто дороже всего, и она сложно признается, лишь бы возвратить манто, — действие развивается дальше.

Погода — пивная, спиртовая...

Какой-то странный долголетний сон. — Стойка вроде книжной, вроде «довостребования», я что-то и получаю и нет. Мне дают что-то и отказывают. Какие-то якобы мои рукописи, которые ценятся, но во мне они вызывают стыд. Двусмысленное отношение ко мне «стоечника». — Бред, но страшн <ый> .

Природа, она мила и дорога тем, что наши первородные силы там и до сих пор действуют в чистоте, «наружи», близко к нашему пониманию, тогда как в людях это братское родство действия, душевной аналогичности скрыто, завуалировано тысячью условностей, искажениями социальной жизни, общественным коэффициентом.

Гроза на дороге из Воронежа в Задонск. Она расширилась до того, что в молниях приняли участие и звезды и черные массы самого далекого неба, — я помню. Когда этот сон был?

Чтобы жить в действительности и терпеть ее, нужно все время представлять в голове что-нибудь выдуманное и недействительное.

Человек-тужилка, которому все кажется, что он не то сделал, а сделал бы иначе, было бы лучше. Не туда поступил работать, не по той улице домой пошел...

Жить внутри разом нечем, отсюда и все технические игрушки, все «творчество».

О животных надо тоже писать: у них много свободы воли, независимого ума.

Мы разговариваем друг с другом языком нечленораздельным, но истинным.

Мещанин, а не герой вывезет историю.

Не приняли роман — и руки и тело покрыли нарывы. Сломать человека легче, чем думают.

«Берег чугуна для торговца: золото, серебро, медь, потом чугун».

В пьянстве есть пренебрежение к себе, контр-эгоизм...

1934—1936

Время героизма и время жульа, ловкачества, вранья, стихийного самопохваленья, авантюризма и т. д. <...>

Наверно в высоких сферах — выше стратосферы — живут тысячелетние птицы и спускаются есть однажды вдруг среди внезапных веков. Отсюда, именно из реальности, многие легенды. Именно наверху есть наилучший воздух и температура и долгий свет, обеззараживающий от смерти, которые обеспечивают почти вечную жизнь. Над землей есть несомненные птицы!

Во Франции девушки зарабатывают на приданое проституцией, уже имея жениха.

Один жених убил невесту — проститутку, застав ее душевно любезничающей с другим.

На суде убийцу спросили:

— Она ведь каждый день вам изменяла.

— Нет, никогда, — сказал жених, — то была работа (le travail).

Его оправдали.

Туркменский батрак всю жизнь зарабатывает на калым и живет с ишачкой.

Усопшая пустыня.

Аннау: мечеть под Копет-Дагом; изразцы: цвет неба пополам с сумраком глубокого колодца.

Житель международного вагона прямого сообщения.

От удара топором саксаула — из него сыплются искры (такова плотность этого дерева-бедняка, жадность к сбережению влаги, тесная скупость растительного тела).

Истина всегда сама на себя не похожа.

Туркменка — жениху герою:

— Где твоя душа? — Твоя душа в твоём мече, твоя душа в золотой стреле!

И Джумаль потушила свет маханием руки.

Такыр звенит от зноя под копытами ослов и верблюдов, также как бесснежный голый грунт, обдутый зимним ветром, в Забайкальской равнине.

Прошло еще три дня и две ночи среди них.

Первый раз растение производится из семени отца-матери, второй раз оно производится из почвы, состоящей из праха отца-матери. Прах отца-матери — непрерывное основание жизни сына.

Мы поднимаемся из праха своих отцов!

Ишь растолстел, ноги в сапоги не влезают.

Это редко, как радуга над Кара-Кумами.

Чисто животное в любви нас, м < ожет > б < ыть >, и прельщает, но оскорбляет бесчеловечие, безумие, бездушие такой любви — sex's'a.

Мальчик целует свое отображение в стекле.

Как слепой в крапиве.

Рассказ: «Меропр < иятия > по борьбе с безуспешной жизнью».

Моя молодость, прошедшая в организационных наслаждениях.

Вовсе не природа, а люди виноваты в гибели прежних цивилизаций.

«Революция имеет литературн < ое > происхожд < ение > — замысел ее, революции, был совсем другой, но потом «литераторы» и литература возобладали и придали революции порочную эволюционную бесконечность». (это «левые»).

Страх, хлеб и вера.

«Долгота жизни» — десять, двадцать лучших, прекрасных дней «моей жизни», память о которых стоит неподвижно, как бедная, далекая звезда над головою.

Про всех:

За что они меня так ругают и бьют, — я недавно был ребенком и еще не перестал им быть.

Великая проблема воробья. Семеев, свободен,дохнет в неволе, а летает по одному аршину. А нужна ему почти бесконечность.

Басмачи сами делали свинцовые пули в Кара-Кумах, в то время как советские акадэмики сомневались в кара-кумском свинце.

— Где у вас сельсовет?

— В Персию ушел, через два месяца вернется.

У барса силы на одного человека, а сердце — на сорок. У тигра силы в сто раз больше, но сердце не больше человеческого.

Чтобы выдумать глупость, надо иметь, как минимум, мозг для этой выдумки.

Туркмения, — ее душа столь же свежа и хороша, как античное лицо ее людей, потомков парфян.

Туркмения — страна иронии.

Для того, кто понимает, — вселенная не существует.

Туркмены — народ интимный, чуждый зрелищ (доселе).

Аул живет песнями, слухами, сказками, сенсациями (крепкий аул).

Всякое скопище людей дорого стоит бедным людям.

Не доводи ничего до конца: на конце будет шутка.

Человечество выросло верхом на осле.

Осел — остаток великана: «... от великана, уши тоже, ножки нет и т. п.»

Фаланги бежали так шумно, что слышно, как они топали ногами.

Отчего кричит осел? (говорят — периодически, через 3 ч <аса>) — Разгадать.

Грудь ж <енщин> как барханчики.

Саксаульные страсти

Каракурт, глядящий из колодца норы парой ясных глаз.

Удивительно, что родина человечества столь пустынна и нелюдима. Что здесь связывало людей?

Бригада писателей — собрание несчастных (изредка жуликов).

Музыка туркмен идет в два голоса — арифметика любви двоих.

Джунаид убил свою дочь своими руками и выбросил ее прах собакам, когда ее муж третий раз пожаловался на нее, что она его не слушается.

А что такое Пушкин и Гоголь — разве это предел?

Искусство (прошое) сначала причиняло боль обществу (Шекспир), потом проходило время, боль засыхала, искусство признавалось классическим.

Сов <етская> власть абсолютно права: в истории случилось обстоятельство (послевоенное и военное), когда люди — многообразные ...ки, не поддающиеся никакой коллективности (благодаря долгой специфике этой самой «коллективности»), нуждаются в великом руководстве.

Старообрядчество, это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно что могло бы еще выйти, а из прогресса известно что.

Тришин говорит, что из него вышел Шолохов, а Тришин откуда вышел? Ха-ха-ха!

Джумаль нелюбимая, н е л ю б я щ а я...

Ее ... с младенчества и непрерывно, душу отшибли уже и сердце взбило к горлу, к печальному, опустевшему уму.

Уважение туркмена к женщине чисто — экономическое. Если хозяйству не нужно, туркмен живет с женами-старухами, не беря молодой, имея возможность ее взять. Но хозяйство не выдержит!

И пища, как она ни была бедна и однообразна по виду, она была создана светом солнца, весенним ветром пустыни, горной водой арыков, теплою чистых песков — и поэтому тело Джумаль так было полно и хорошо.

Выпей водки,— сразу все мировоззрение перестроится.

Мол <одая> девушка очевидно жениху на представ <ленин> в театре:
— Это трагическое место, здесь смеяться нельзя.

Сел человек откуда-то в поезд, мял и вертел какую-то синюю бумажку.

— Ваш билет?

— Какой билет...

— Сжавал!

Интересно: купырь, в порядке естеств <енного> отбора созданся 2500 лет назад, он ровесник черепку из парфянских раскопок. Я держу в руках черепок и купыря.

«Я никогда не забуду!» — выражение отца, и идет рассказ.

Земля так холодна и бесприютна, что семейство нужно как печке бедно-та.

— Папа, ты у меня мешаешься под ногами.

Человек обращается к пиле:

— Ты пила, а я еще нет.

Ребенок матери (видевший торж <ественные> похороны):

— Мама, умри, тебя хоронить будут на пушке, на лафете, а потом ты придешь.

Сотню стареньких проверил, двадцать новых провертел.

Бежит старичок-брехун где-то в районе Касп <ийского> моря или оз <ера> Ильменя.

Ему кричат со смехом:

— Дедушка, соври что-нибудь!

— Некогда, некогда, вся рыба из Ильменя (озера) уйдет...

И убежал прочь.

Мужики — кто пеший, кто на подводе — всей деревней бросились за стариком, чтобы рыба из Ильменя без них не ушла. А старик тот сел в камышах и ждет сидит, пока сорок мужиков-дураков не прибежали...

Мелкая озабоченность, хозяйственность, экономичность, щепетильная нудность, даже прожорливость,— все это суть — у женщины — лишь компенсация другой части ее души, которая содержит чувство сбереже-

ния родных, страх о смерти близких... — детальное, т < ак > ск < азать >, конкретное отстранение, ограждение и спасение мира.

Женщины всегда уменьшают, скрывают цену чего-либо купленного: вдвое-втрое, лишь бы недорого казалось. Наоборот, вост < очная > жен < щина > говорит всегда в этом правду. Вост < очная > ж < енщина > вообще, сдавленная тяжким трудом, мужем, семейством, скотом не имеет возможности общаться с соседками, сплетничать, как русская женщина. У нее другое устройство судьбы.

Не больно рылястый (красивый), а так — полноличный.

Вторая жизнь человеку необходима, иначе и первая не нужна и не выйдет она никогда.

Глядеть на мертвого сына — для матери это ведь убиение сердца.

Муж для жены как крест для церкви.

— Запевай, говорят.

А стыдно — ни с того, ни с сего, ни под слово, — и он, запевала, просит:

— Ну закройте меня чем-нибудь.

Его закрывают мешком на лицо, как смертника, и он запекает на славу всем.

Для ума все в будущем, для сердца все в прошлом.

Революция была задумана в мечтах и осуществляется для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей.

Колесо это рисунок окружной линии бегущих ног верблюда в нашем воображении (собственно сектор круга, а не полный круг).

<...> Черепаха на карачках — настоящий человек.

Русский дом в Азии: глинобит < ный > дувал, деревян < ная > уборная, икона под дерев < янным > «зонтом», два креста — две могилы, погреб-ледник: полное царство души и тела, замкнутый мир.

Насколько человек неустойчивое, взволнованное существо: трепещущее, колеблемое, трудное, мучимое и мучительное... — главное — невозможное, неустойчивое.

Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве.

Животн <ые> и раст <ения> всегда наши современники, и дело совсем не в атавизме, а в дружбе, в санитарии души.

Долгий брак основ <ан> не на верности пары, а на том, что один из этой пары, или они оба, втайне любят постороннего.

Он работал беззаветно и бесплатно.

Летчик в воздухе один с машиной, как монах, как святой техники.

«Новый народ, национальность — значкисты». (трамвай)

Странно: — раньше все вещи делались громоздко, стационарно, которые можно перенести лишь однажды (рояль, граммоф <онная> труба, гардеробы), теперь все в виде чемоданов, транспортабельно, мобильно, именно (патефон-чемодан и т. д.), — это время.

И даже женщины: раньше были жопы, теперь плюгавки.

На том свете все должны быть незнакомыми: вероятность встречи очень мала. Миллиарды миллиардов ведь уже скончались, заблудишься как в поезде-дешевке.

Заказывал 3 подводы, когда требовалась одна: первая не придет, вторая сломается, а уж третья как-нибудь.

— Во-первых у меня денег нету, а во-вторых: как вам нравится это во-первых?

Для «Узника» — Люди с а м и сознают себя неверно, или — природа себя «сознает» не такую, какую ее сознает человек. Человек сам себя не знает, его должен узнать «писатель».

Денежная система всегда отражает прогресс эксплуатации (в смысле монетного, валютного, ценностного понимания).

Тайна женщины, вообще человека: жить в душе нечем, надо чтоб любил другой, в котором возможно н а с т о я щ е е, — но ведь этого нет. Любовь, это перекладывание ответственности на другого; а самому — право быть пустым. <...> Для «Узника».

Надо относиться к людям по отцовски.

Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин — отец или старший брат всех, Сталин — родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца.

Мне мстят мертвые, которых я при жизни ошибался и не любил.

Всю жизнь, всю жизнь быть канцелярским работником, и зарабатывать все-же больше чем землепашец.

Она сошла с ума на деле вредителей зерновых запасов, на опрыскивании, в борьбе за надл <ежащие> капиталовложения.

Комсомольцы заключили договор со стариками. Старики разрешили снять колокол с церкви, а комсом <ольцы> обязались взамен дать старикам трактор. Колокол сняли, трактора нет. Старики гоняются за комсомольцами.

«Жизнь ведь не так и драгоценна как думают: а ну гуртом и с песней под расстрел!»

(9/IV) В трамвае:

« — Сколько лет СССРу-то?»

« — 16!» (?) (знак вопроса А. Платонова. — Г. Е.)

« — Нучтож, его тоже пора отдать под уголовный суд — по новому закону».

Бей его за резвость, сукина сына!

Человек, захотевший победить СССР, — и питающийся научно, химически, чтобы прожить 500 или 1000 лет, — пережить всех.

Курица вывела утят. Утята в воду, а мать в пыль лезет. Мать кудachtала на берегу пруда, потом с ума сошла. Утята потонули.

Человеку жить нечем, он начал деньги копить, собирать кое-что. Скупец от горя и одиночества.

Безразлично: люди должны проявлять свою жизнь, наслаждаться, стремиться, — при всех обстоятельствах во все времена, будь рабство, будь средн <ие> века, будь будущее. Нельзя согнуться всем, присмиреть, нет — это немногие. Количество радости, оптимизма приibl <изительно> одинаково, и оно, это количество, способно проявляться почти в любых формах, — в самой даже жалкой форме. Жизнь никто не может, не хочет откладывать до лучших времен, он совершает ее немедленно, в любых условиях. <...>

* — Речь идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года об уголовной ответственности (вплоть до высшей меры наказания) детей «начиная с 12-летнего возраста». — Г. Е.

- Вы давно не улыбаетесь?
— Полгода. Я ведь работаю в очень серьезном учреждении, — в очень!

Шахтер — на плохой театр — халтурному актеру — во время представления: «Это ты нарочно?»

Мелкая изящная штопка посылок...

Маркиз де Кюстин писал когда-то: «Пусть Европа шлет России дрова, чтоб Россия не мерзла, не шла войной на Европу». — Теперь Лиман, уголь, и можно из «России» топить всю Европу. <...>

Наружность пошлая, волосы взбиты в уездную прическу, глаза с деланной нежностью, сладостью... В др<угих> отношениях — враждебна ко всем, ненавидит всех, — любовь к одному съела в ней все человеческое, обычное...

Это удовлетворенное почесывание правым большим пальцем о левую ладонь, это самоудовлетворенность рабочего мещанина. Это жеванье колбаски, достигнутой наконец.

Мальчики в вагоне глухого пригородного поезда (едут б<ез> билетов); их два, один стонет все время:

- Забिरут, чи нёт!?.
— Забирут, чи нёт!?.

Музыка — окончательно запрещенная литература, когда она замыкала, — и из этого, из окончательного запрещения, — явилось самостоятельное великое искусство.

«Это вы болеете от насморка, поноса, сквозняка, тифа, а я болею лишь высокими болезнями, непонятными для вас. Я — не вы!»

Трагедия оттертости, трагедия «отставленного», ненужного, когда строится блестящий мир, трагедия «пенсионера» — великая мука!

«Сч<астливая> М<осква>»

Был на войне имп<ериалистической> и гражд<анской> — и вернулся точно таким-же, каким ушел, — война как пустяки личной биографии.

От слишком большого — даже счастливого — излияния жизни потом наступает меланхолия.

«Артистизм» рабочего класса на основе великой техники: Помнишь: слесарь, ему пружинку закажут сделать, а он и патефон покрасит и т. д.

Наедине с собой, как вдвоем, вчетвером — и собеседование, и дружба, — и безнаказанно и интересно.

Человек это капля родительского блаженства, и он должен быть радостью.

Медицин <ская> наука разовьется до того, что останется одна проблема — родинка, да бородавка.

Рассказ «Тверской бульвар» — о воробье, унесенном ветром в рай и возвратившимся о т т у д а.

Уходя из школы на каникулы, школьники бьют здание школы — чернильницами, камнями, вышибают стекла и т. д.
Порка тела учреждения!

Да есть ли смысл в принятии великих мер цивилизации для сохранения своей личности, жизни и т. д. Ведь животные на этот счет беззаботны, они тратят все силы на добычу мгновенного счастья, а мы лишь на подготовку к нему, счастья вовсе не представляя.

Рассказ о шахматах: это вроде исхода для всего, что практически не выходит или запрещено историей.
Против шахмат?

Летом швейцары в пивных рвут фуражки из рук, чтобы было за что получить на чай.

Усиевич, читая Перегудова, Евдокимова и др. плачет слезами горя, что нет у нас литературы.

У старух к женщинам мужской подход, напр <имер>, — они говорят: она упитанная, фигурка у нее хорошая.

<...> Живопись 17—18 вв, развилась потому (портретная и др.), что фотографии не было, а не потому, что цари и богатые понимали смысл в искусстве живописи.

Иск <усство> всегда растет благодаря благоприятн <ому> случаю, а не по сознанию.

Женщины как воздух, они окружают нас, они делают, что делают, выполняя волю пославших их, — они невинны, и нечего ими заниматься.

Мухи на липкой бумаге — вот м <ожет> б <ыть> тоже жизнь.

Ч <елове> к существо весьма переменное.

1937

Бег лыжников по оврагу в Ижоре.

«Главспирт» в каждой кажется деревне, ктр. я проехал до Чудова. В одной деревне Главспирт открыт рядом с разрушенной церковью — нехорошо.

Мещанство все еще бушует — повсюду здесь.

Моя скромность развратила ямщика — он пишет «заметки» путешественника.

Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем добрее. Ведь это же надо кончать — приводить наоборот. Вам радость от доброго, если он бедный?.

Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ — и дети тоже как ангелы.

Спасская Полюсть. Л ю б и н о - п о л е. Дети в 5—10 лет плетут лапти из лыка. Коопер <атив> платит 1 р. за пару. В школу ходят не все, за отсутств <ием> одежи-обужи.

На стене в избе картина «Девушка высшего общества эпохи Возрождения» — Менцлера.

Во всех почти избах постояльцы, пришедшие на заработки из других колхозов, и еще какие-то люди, живущие иногда по 1—2 года. Это, чаще, женщины, живущие у родственников. Можно лишь догадаться, кто это такие.

Брак это не кровать, а сидят рядом муж и жена, плетут лапти на продажу день и ночь и рассказывают друг другу сказки, воспоминания, истории.

В шубе — не косец,
В штанах — не ...бец,
В рукавицах — не работник.

Туманная вьюга прошла, открылось синее светлое небо — как окно или дверь в святой просторный мир.

Стоят деревянные деревни в деревянных лесах.

Старые люди — лучшие сторонники и деятели колхозов: всп <омни> Любино-Поле, веселую, гуторливую старуху, когда она в старое время по 10 т <ысяч> шт. спичечных коробков в день клеила и думала умереть на коробках.

Костлявая земля

Беременная цыганка в Новгороде, гадавшая мне: «против тебя казенный король, но он тебя скоро узнает хорошо, человек ты знаменитый, и в этом году получишь свое дело, тебя любят Маруся и Н ю р а, а вредят тебе друзья на буквы В и Г. Но ты никого не боишься, ты человек рискованный и твое слово любят, — и ты любишь рюмочку».

Она не беременная, чего-то пришила к пузу. Но не она по мне гадала, а я по ней.

Поборник гигиены и культурности в Новг<ородском> Дом<е> Кр<естьянина>: показывает, как надо открывать крышку унитаза и закрывать ее («народ ведь такой некультурный!») и т. д. Всеобщий гнусный образ.

Сов<етская> власть за солнце и дожди не отвечает, она действует снизу.

В хороший ресторан в Валдае приходят нищие, топчутся, волнуются, им говорят: «Садитесь на место, вас обслуживают». Они пришли обедать из-за хлеба, только.

Женщина тяжелого поведения.

Мальчик трогает снег и говорит: когда ж ты растаешь, чтоб хлебу было тепло вырастать!

Облака на чистом, голубом небе как перья, остатки крыльев исчезнувших, улетевших птиц.

«Советская власть знает как телят поить» — говорит мол<одая> кол<хозни>ца старой.

Нет еще заботы в колхозах о быте колхозников, о его доме.

Пьянство денатуратом и пр...

Нужно в десять раз усилить культуру сердца и ума.

Добро в человеке живет еще по инерции. Но надо уже добавлять его теперь-же, а то иссякнет. В молодежи оно (добро) от молодости, а не от благоприобретенных запасов.

Уменьшить поскорее давление нужды о хлебе насущном. Это съедает человека, хотя и делает его каким-то радостно-спокойно-кротким.

В путешествии мы всегда «варили топор» — по солдатски, почти с неизменным успехом.

Девушки ходят по деревне и песни поют, они останавливаются около избы и поют:

— Полюшка Ванюшку любит,—

или наоборот:

— не любит, не любит.

Так розыгрыш и сплетня, личное делается общим.

Сверчки по зимам перебираются в избы и поют как летом — во вьюги.

«Лошади ваши просторные»

Измер <ение> труда:

— А он тяжести, что ль, подымает? — (сказ <ала> старуха, узнав, что чел <овек> получает 20 р. в день).

Печь была холодная, и мои чулки хозяйка спрятала сушить себе под подушку.

О сердце, сокровище моего горя!

1938—1940

Круглый, яркий, веселый, радующийся человек — постоянно в ресторане.

Лица (у действительных девушек) глупые, нелепые, удивленные...

Учитель: «Сейчас я буду показывать вам (ученикам), как скрипка будет играть неверно, — вот я ее расстрою!..»

Критика, в сущн <ости>, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором. Она есть «доработка» недр, дальнейшее совершенствование мыслей автора. Критика может быть многократной.

Первый автор обычно лишь намечает, оконтуривает недра и лишь частично их выбирает, а критик (идеальный) доделывает начисто несовершенное автором.

Любовь к сыну или другу, несмотря на то, что, несмотря ни на что, любовь как рок.

Ч <слове> к должен быть вырван из порочного ритма вселенной. <...>

Выбор профессии: все хотели быть летчиками, музыкантами, писателями, а один мальчуган гончаром, — гений!

Академия, строгость, наука, знания, а он живет кудрявый с гармоникой, поет, пьет,... — другой мир, ничего общего и как будто более счастливый.

Меланхолия есть худший вид жадности, зависти, эгоизма: что не все досталось меланхолику — не все жен <щины>, не вся слава и т. п.

Его обвиняли, он был невинен. Чтобы отделаться, он вспомнил пьесу, написанную 300 лет назад, где были лорды и пр., — и повторил всю ситуацию пьесы, признав, что он дружил с лордами и т. д.

Люди и животные одни существа: среди животных есть морально даже более высокие существа, чем люди.

Не лестница эволюции, а смешение живых существ, общий конгломерат.

«Это правильно, но неверно».

1941—1944

«Я живу можно сказать плохо. Но это ничего: я привык жить плохо. Жив — и ладно, больше я ничего и не имею, только живу».

Явная демонстративная доброта бывает компенсацией тайного зла. Мне нужен рассказ об этом.

Один беженец у другого:

— Дальше-то лучше будет с харчами?

Другой:

— Откуда? СССР везде одинаков. Раз тут нет, значит там — еще хуже.

«Предпоследний поезд» из Москвы: 3 вагона чекистов, 10 вагонов «ремесленников». Совместный путь этих вагонов, — два мира, две «стихии», две силы. Среди чекистов — «курсантки», одна Матрена Семеновна и пр. Снабжение в пути. Полковник и подполковник. Завхоз. «Топтуны». Наган в дерев <янном> футляре на толстой заднице. Жены. Кошка белая. И — ремесленник <и> позади, рабочий класс в будущем, сейчас полубеспризорники, ворующие картошку в полях...

Музыкант играл все лучше и тоньше, и все счастливее — он хотел осчастливить уходящих на бой с врагом.

Я не могу сам воевать, не могу выдумать мину или самолет, но я могу оснастить все души людей и дать им силу правильного понимания жизни.

Беженец в непрерывной работе — суете: кипяток, хлеб, очередь за талоном, дрова, сортир, утепление теплушки, борьба с отцепкой и пр. и пр.

Вагон 5899 — (Пьеса). Клавка. Фельдшер, Ив <ан> Мироныч, Раздорский и пр. — Плачут, что «мало» едят, истерика, — грязная пена людей. Обжорство, вне очереди, а сами тюр<емные> служащие, кухарки и т. д., совершенно автоматические люди — еда, тепло, покой, порядок, эгоизм. С такими можно делать что угодно.

Тюрьмы, лагеря, войны, развитие материальной цивилизации (за счет увеличения труда, ограбления сил народа) — все это служит одной цели: выкосить, ликвидировать, уменьшить человеческий дух, — сделать ч<еловечес>во покорным, податливым на рабство.

1/3 людей не работает, а глядит на работающих.

У многих людей ум заменяется наглостью, иронией, насмешкой «вы интеллигенты» и т. д. Но за этим — невежество хулигана. Эгоизм жулика.

Ск<олько> бывает неудач в изобретениях — лишь от того, что нет терпения. Нагр<еваясь>, печь простая сначала лишь охлаждает комнату, пар<овая> маш<ина> вначале работает на одну конденсацию и т. д. и т. п. Лишь потом механизм «примучивается» и работает.

Жизнь к<а>к тупик, к<а>к безысходность, к<а>к невозможность (вспомни вокзалы, евреев эвакуир<ованных> и пр.). <...> Особое состояние — живешь, а нелъзя, не под силу, как будто прешь против горы, оседающей на тебя.

Начало в а ж н е й ш е г о рассказа:

«Стоял старый дом; в доме стол, в столе среди рухляди брошюра с маленькой статьей умершего инженера, умершего от заброшенности, неустроенности и отчаяния — как всюду, как традиционно, — а в статье этой лежал секрет победы его страдающей родины над врагом человечества.

Никто этого не знал...

Зло въяве, <с>наружи — это только то, что у нас есть внутри. Это наши же извращения, чтобы мы исцелились.

Россия всюду: Уфа, кузница, домишки, — как в уезде (а тут Башкирия). Домишки непрочные, вроде временных, отсюда, дескать, еще дальше пойдём. Куда только? Все равно. Выспимся и пойдём.

Немцы убили мать партизана, минировали ее труп, труп выставили на виду, сын-партизан увидел мать, приблизился к ней, обнял ее и — погиб.

«Отчего худеешь? — Ведь ешь ты много!»
«Ем много, а вздыхаю еще больше.»

Старуха ходила в гости по родным собакам, розданным ею в разные руки. Собаки выросли, не узнавали ее и рвали старуху.

«Соврем <енная> война как инстинкт, стихийное, безумное по форме, искание выхода из невозможного своего положения. Искание не сознанием, но практикой, страданием, мукою...»

Удовольствие не обучает человека.

Мудрости не хватает лишь времени — вечности, и она видит все лишь в миге кратких времен. Отсюда, от недостатка вечности, долготы истории, — недостаток мудрости.

Тупое чувство жизни

Два человека — один ведет через трудности, другой через легкости. Любят только первого и обожают его по справедливости.

«Пагубный пример» — все с Запада (Герцен).
Все тогда ссылались на Запад, теперь на СССР — СССР стал центром мировоззрения мира.

Мать, рождая сына, всегда думает: не ты ли — тот? —
Женщина — путь и средство, сын ее — цель и смысл пути.

Все бывает на свете и возвращается вновь, — одно лишь время безвозвратно.

Каждый солдат придумывает себе «веру» — для спокойствия настроения и души: по разному.

Старуха, рассказывающая другим старухам, как пил кто-то чай с сахаром: и сначала она икала, все икала, а потом пить начала, а я гляжу, я радуюсь, мне-то хоть не сладко, да страшно и удивительно — ведь я сахар вижу.

Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели бы на ме-

ня: что со мной случилось? — я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я прожил жизнь.

Высший критик был Шекспир: он брал готовые, чужие произведения, — и, переписывая их, показывал, как надо писать, что можно было сделать дальше из искусства, если применить более высшую творческую силу. — Это критика в идеальном виде!!!

Щенок Филька в Уфе: один, без имущества, лежит на полу на холоде. Все, что можно сделать в таком состоянии, — весь инструмент должен заключаться лишь в собственном живом туловище: ни бумаги, ни пера!!!

Христос как образ созданный из чистого очарования — без новаторства, без теории, без чудес и пр.

Оч <ень> важно.

Смерть. Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно жить, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что в сущности убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, — лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне, — там убита возможность проресса.

«Для них литература это государственное чистописание».

«Путешествие <в человечество>»: «Надо идти именно туда, в сверхконкретность, в «низкую» действительность, откуда все стремятся уйти».

Война может стать постоянным явлением: к <a> к род новой промышленности, вышедшей из двух причин — некоторого «свободного» избытка пр <оизводственных> сил и «опустошения душ».

Война весьма возможно превратится в долгие свойства чело <в> общества.

Несомненно, что античное искусство ничего общего не имело с ужасной рабской античной действительностью; ант <ичное> иск <усство> и появилось как противовес, как самозащита, как своего рода компенсация за адскую действительность, как призрак, питающий и утоляющий.

Рассказ о матери, которая любила одного сына и не любила другого. Но

тот, которого она не любила, любил ее и отдал жизнь свою за нее, а тот, которого она любила, предал мать.

Назад идут — харчи впереди; вперед идут — горилка.

Оч < ень > важно.

Люди живут не любовью, не восторгом, не экстазом, а особым чувством тихой привязанности и привычки друг к другу, как верные муж с женой, как крестьянское большое семейство за одним столом.

Тихий очаг; старик и старуха (как не-война) и туда ходят бойцы: сидят, молчат, курят, словно в гостях у отца и матери. Потом уходят.

Свободное время: домино, карты, болтовня, тихая скрытная любовь (не у всех, редко), болтовня бывает и вредная. И опять — недостаток почты.

Немцы в обуви на дерев < янной > подошве, катятся по снегу, ухватившись за борт машины.

В храбрости есть высшее самолюбие: на глазах товарищей.

Не пушками лишь решится война, но и смертью Тоши... Тут побеждаем мы.

Главное, самое главное...

В предсмертный миг часто бывает у солдата: проклятье всему миру-убийце и слезы о самом себе, слезы разлуки навек.

Слеза одна, на две не было силы.

На войне такой шум, гром, дым — что сразу видно: война машина еще несовершенная, как первые пар < овые > маш < ины >. — Работы мало, топлива идет много, суета большая и пр.

Нужно сделать войну « совершенной », технически совершенной.

По миру, или путешествие в человечество.

По смерти миллионов людей — живых замучает совесть об умерших.

Успех Робинзона: ему не мешали люди, ни один человек: не в этом ли тайна всякого успеха.

«Отсутствие порока в человеке (выпивка, женщины) есть доказательство отсутствия в нем души».

Система взаимно движущихся зеркал, отражающих пустоту одного дру-

гого (так в оригинале. — Г. Е.) — страшный объективный механизм взаимопроникновенности до дна пустоты.

Сколь трогательна бывает самозащита существа, т. е. эгоизм-же, но в особом положении, когда и эгоизм — прелесть.

Умершие будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, — конкретно, как были.

Жизнь есть изменение, но высота души в ее неизменности.

Солдат живет с недостатками (элемент <арных> вещей); борьба с этими недостатками и отвлекает его от главного страшного недостатка — возможности умереть; солдат, можно сказать, даже должен иметь достаточно много небольших нужд и бороться с ними...

«Я не для удовольствия вышла замуж во второй раз: у меня трое детей, их надо кормить, питать, одевать».

Оч <ень> в <ажно> .

Как Тоша, умирая, говорил: «важное, важное, самое важное», — и умер, не сказав самого важного. Так самое важное уносится в могилу.

Питай свою душу подвигом и не будешь голоден по наслаждению.

«Крестьянин живет в кооперации с животными и растениями — отсюда и его большее человеколюбие. Конец крестьянства недопустим: — это источник человечества и человечности». (Летчик на аэродроме)

Земля — плоть народов, первая ценность.

Форсирование пространств.

Ночь. Артогонь. Авиация. В 10 км от передн <его> края поют девушки (военные), играет гармония — почти под навесом боевых <снарядов> свищущих. Таково спокойствие.

Неведомый мальчишка абс <олютного> слуха: и свист бомбы, и лучшие русские песни сразу ухватывает и напевает, и никто не видит этого мальчишки.

Русские девушки, плачущие на берегах Прони, когда играет радио из

Москвы. Они упрасивают пустить радио немца-солдата. Тот сдается просьбе. Любовь к родине на чужбине.

Холуи генералов — сытые, кормленные старшины, сержанты, шоферы — их отношение к офицерам и пр. Д <ля> юмора.

Машина смертью пахнет.

Бой есть мысль — в условиях, мешающих размышлению.

Пл <енный> немец: У вас две, чтоль, армии: одна кричит то, другая другое! (Вторая армия — штрафники)

1944—1948

В чем тайна детства? —

В ребенке множество душ — он их легко вырывает воображением, и живет один, но как с товарищами.

Взрослый же одинок. А ребенок легко и воробьем живет, и былинкой.

Уничтожив противника, слезы за ним — не мерить <...>

Существует барьер против горя и страдания — сопротивление человека, по мере роста горя, увеличивается, — и наконец горе его «не берет». Такова «подлость» натуры. Но счастлив < тот >, — у кого далек барьер или нет его — он переживет, увидит и самое смерть и выйдет из нее к жизни другим высшим существом. На войне люди поляризуются: больше тех, у кого близок барьер — тех откидывает он к обычной или даже низменной жизни; но меньшинство имеет далекий барьер. Или — третьи — у кого барьер сламывается: те лучше всех.

Письмо:

«Если бы, кабы я могла бы увидеть бы тебя бы...»

Смех.

Объяснение жениха:

— Если б она бы семилетку бы кончила б. А то я не за грамоту ее люблю.

Ребятишки, катающиеся на обледенелом закорженелом трупe немца с ледяной горки.

Тайна победы — в том, в нашем превосходстве, в «сверхнемстве», иначе сказать — в тех качествах русского народа, старых и новых, объединенных... <...>

Солдат сам себе баба.

Мальчик лет шести, играющий в протез (одна деревянная нога) — играет с увлечением; другие дети пытались отнять у него эту игрушку.

Важно и истинно — видеть во взрослых лишь их действительно детские черты. Взрослый — это лишь изуродованный ребенок, и от этого уродства он частично излечивается в старости.

до 1951 г.

(разрозненные записи)

После войны, когда на нашей земле будет построен храм вечной славы воинам, то против него следует соорудить храм вечной памяти мученикам нашего народа. На стенах этого храма мертвых будут начертаны имена ветхих стариков, женщин и грудных детей. (Они равно приняли смерть от руки палачей человечества...)

По сравнению с животными и растениями человек (по своему поведению) неприличен.

У правды, у истины есть великий недостаток: она чувствует себя благом и желает стать любимыми средствами всеобщим достоянием.

«Когда я вижу в трамвае человека, похожего на меня, я выхожу вон».

«Я не смотрю никогда в зеркало, и у меня нет фотографий».

«Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, или у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота».

Истина всегда в форме лжи; это самозащита истины и ее проходят все.

Рабочий человек должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего...

Любовь одного человека может вызвать к жизни талант в другом человеке или, по крайней мере, пробудить его к действию. Это чудо мне известно.

Как чего прикасались его руки, так все безобразное превращалось в прекрасное, — однако всегда оказывалось, что прекрасное было никому не

нужно, когда оно было сделано. И этот человек, делавший прекрасное, сам был никому не нужен.

Добро требует неизмеримо больше энергии, времени, чем зло. Вот почему добро трудно, доброму некогда, а злой легко преуспевает.

<...> И все возможно — и удастся все, но главное — сеять души в людях.

<...> Смысл жизни не может быть большим или маленьким — он непременно сочетается с вселенским и всемирным процессом и изменяет его в свою особую сторону, — вот это изменение и есть смысл жизни.

Искусство не терпит пустоты, — оно должно быть заполнено жизнью и людьми, как поле травой.

<...> Любовь честнее доверия, потому что даже обманутый влюбленный заслуживает не сожаления, а удивления и уважения.

<...> Любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого — любимую) своего смысла жизни.

Любить женщину легко — это значит любить себя.

Пока мужчины и женщины еще могут любить друг друга, — не все потеряно человеческим сердцем.

...Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность.

Как один хотел подчинить себе, изменить искусство и т. д., — а его самого изменило искусство.

Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность.

Новостроющееся кладбище.

И через 30—40 лет весь мир будет другой — ни одного знакомого лица, ничто...

Следует тратить дух и тело для добычи пищи, но не следует тратить для этого чести.

Труд есть совесть

В семейном архиве Платоновых сохранилось около тридцати записных книжек и блокнотов, которые писатель заполнял в 30—40-е годы. Очевидно, что эти записи носили рабочий характер и не предназначались для печати, однако многие из них имеют безусловную художественную ценность и весомо дополняют творческое наследие Андрея Платонова.

Готовя настоящую подборку и отбирая тексты, мы с М. А. Платоновой старались представить все их разнообразие: это чисто журналистские заметки и путевые наблюдения, сделанные во время командировок Платонова в колхозы и на стройки первых пятилеток, в поездках на фронты Великой Отечественной; художественные детали и отдельные строчки для будущих произведений; записи «чужих идей, мыслей и разговоров» (помета самого Андрея Платоновича); заметки личного характера.

Тексты датированы с большей или меньшей степенью точности, поскольку писатель редко помечал их конкретным годом; более точная датировка — дело специального исследования. Этим объясняется группирование нами записных книжек и блокнотов по косвенным признакам в пределах нескольких лет, к тому же сходный характер ряда записей дает основание предполагать одновременное заполнение нескольких книжек. Записи воспроизводятся в той последовательности, в которой были сделаны Платоновым; пропуски текста между ними в каждом случае не отмечены; тексты разных записных книжек отбиты линейками. В публикации сохранена авторская орфография и пунктуация. Пропущенные буквы и слова заключены в угловые скобки.

Первую записную книжку, отнесенную М. А. Платоновой примерно к 1927 году, Платонов начал заполнять еще в Воронеже и Тамбове, она — самая ранняя из сохранившихся.

Записи в трех книжках 1928—1930 годов (стр. 6—9) велись Платоновым во время работы над романом «Чевенгур», повестями «Котлован» и «Ювенильное море», а также рассказами «Государственный житель», «Усомнившийся Макар», «Впрок» и др., которые сам автор считал очерками (отсюда соответствующие пометы к ряду текстов).

В 1931—1933 годах Андрей Платонов был отстранен от литературного процесса, лишен возможности печататься, и пять записных книжек того времени отчасти проясняют этот наиболее туманный период творчества писателя. Одна из них (стр. 9—18) целиком заполнена заготовками к конкретному произведению, которому Платонов придавал исключительное значение, — видел в этом сатирическом романе свой новый путь, ставил перед собой новые художественные задачи. Главный герой задуманного Платоновым романа — «устроитель, рабочий мира» Жовов, пролетарий, по авторскому определению «и с т и н н ы й человек», противопоставленный таким антигероям, как Кузява, Полпашкин, Борисевкин — новой советской «гнойной буржуазии»,

неизбежным попутчиком истории. (Подробнее об этом см. публикацию «Андрей Платонов: «...Мой новый путь» — «Литературная Россия» № 21, 1983 г.) Роман остался ненаписанным; некоторые мотивы этого замысла частично прослеживаются в пьесе «14 Красных Избушек, или «Герой нашего времени», среди эпизодических персонажей которой фигурирует писатель по фамилии Жовов.

В записях книжек середины 30-х годов явственно слышна обеспокоенность писателя происходящими в стране переменами, масштабом «всенародной инсценировки», выходом на политическую арену «боковой силы», прежде предусмотрительно остававшейся в стороне и постепенно прибирающей к рукам все. Настойчиво варьируется тема «нового», «другого» человека, низведенного системой до функции винтика. И на другом полюсе — «человек, не проявляющий чувств никаких и тем заслуживающий себе великий грозный авторитет» — ставший к тому времени символом абсолютного единовластия «создатель детского милого двора», за малейшую шалость на котором отец мог приговорить к высшей мере наказания сына с 12-летнего возраста (стр. 30). Уже одно наличие подобных записей, способных обернуться опасным «компроматом» на самого себя, очень много говорит об Андрее Платонове, писателе и человеке. Поражает и прозорливость Платонова, уже в то время сумевшего увидеть и точно назвать симптомы многих социальных болезней нашего общества, о которых мы лишь недавно стали говорить во всеулышание.

1934-й год начался для Платонова командировкой в Туркмению в составе писательской делегации. На материалах этой поездки и следующей (год спустя) были написаны рассказ «Такыр», роман «Джан». В феврале 1937 года Андрей Платонович совершил путешествие по маршруту Радищева из Ленинграда в Москву той же дорогой, с чем связан замысел романа «Путешествие в человечество», рукопись которого считается безвозвратно потерянной при эвакуации в Уфу в начале войны. В записных книжках 30-х годов — множество художественных деталей и сюжетных заготовок для произведений как известных читателю (рассказы «Фро», «Третий сын» и др.), так и несостоявшихся («Македонский офицер», «Вневойсковик», «Счастливая Москва»).

Ни в одной другой записной книжке Платонова не встречается с такой частотой тема «отец — сын», как в книжке, датированной приблизительно 1938—1939 годами (стр. 35—36), где едва читается полустертая запись: «...о командировке меня в Норильск <...> Письма сдать, посылки сыну... Комендант Лагерь...». В то время сын писателя Платон был осужден — Мария Александровна не без основания полагала — за отца. Вызволненный из заключения стараниями друзей Платонова, сын умер от туберкулеза в начале января 1943 года.

После эвакуации, с октября 1942 по ноябрь 1944 Андрей Платонов — военный корреспондент газеты «Красная звезда» (окончательно демобилизован в начале 46-го по болезни, через пять лет оборвавшей

его жизнь). В записных книжках и блокнотах военной поры (стр. 36—42) — обилие записей журналистского характера, но многие, безусловно, сделаны с прицелом на их дальнейшее художественное осмысление. Читателю, хорошо знакомому с особенностями платоновской поэтики, его склонностью к подтексту, увидеть это будет проще. Так, например, запись «Рассказ о матери, которая любила одного сына и не любила другого. Но тот, которого она не любила, любил ее и отдал жизнь свою за нее, а тот, которого она любила, предал мать», обогащается иным смыслом, если вспомнить образ матери-Родины, особенно популярный в плакате и публицистике военных лет. Внимание Платонова к «нелюбимым сыновьям» подтверждает и запись слов пленного немца — о двух разных армиях (стр. 42), которая может показаться неясной, если не знать, что штрафникам, даже идущим в атаку, не разрешалось вести себя как остальным бойцам — они имели право погибнуть не «за Родину», но искупая перед ней кровью свою вину (сравним с песней В. Высоцкого «Штрафные батальоны»: «Со смертью мы играемся в молчанку»).

Завершают подборку разрозненные записи, сделанные Андреем Платоновым в последние годы жизни, а также заметки и высказывания писателя, сохраненные в памяти и записях Марии Александровны.

В настоящее издание, подготовленное совместно с Марией Александровной Платоновой в 1980—1981 годах, вошла лишь часть материалов. Полный текст копий записных книжек, хранящихся у дочери Андрея Платонова, передан в платоновский фонд ЦГАЛИ и комиссию по литературному наследию замечательного мастера прозы XX века; тексты доступны для исследования, и дальнейшая их публикация — дело времени.

Гонорар за издание перечислен на счет общества «МЕМОРИАЛ». — Г. Е.

ПЛАТОНОВ Андрей Платонович

ДЕРЕВЯННОЕ РАСТЕНИЕ

из записных книжек

Составление и подготовка текстов М. А. Платоновой

Предисловие и комментарий Г. А. Елина

Редактор Г. А. Елин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 7.02.90. Подписано к печати 22.03.90.
Формат 70 × 108¹/₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 2,45.
Тираж 150 000 экз. Зак. № 1875. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24

ЭТО ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ

● Учреждения государственного страхования заключают специальные договоры от ущерба, причиненного стихийными бедствиями и несчастными случаями:

● коллекций, картин, уникальных и антикварных предметов, если у страхователя имеется документ компетентной организации об оценке их стоимости (ставка платежа — 1% от страховой суммы, на которую заключен договор);

● радио- и телеаппаратуры, видеоаппаратуры, компьютеров, фото- и киноаппаратуры и электроприборов, музыкальных инструментов, если стоимость каждого такого предмета более 1 тыс. руб., кассет (аудио-, видео-, фото-, для персонального компьютера, в т. ч. с записью) и грампластинок общей стоимостью более 1 тыс. руб., других предметов домашнего имущества стоимостью более 5 тыс. руб. каждый (ставка платежа — 2% от страховой суммы, равной стоимости предмета по цене приобретения);

● запасных частей, деталей и принадлежностей к транспортным средствам и другого имущества, хранящегося в индивидуальном гараже (по тарифу 0,5%);

● строительных материалов, находящихся на земельном участке, выделенном страхователю для индивидуального жилищного строительства или под коллективное садоводство и предназначенных для строительства жилого дома, садового домика и хозяйственных построек (по тарифу 0,5%).

● Кроме того, можно застраховать изделия из драгоценных металлов, драгоценных, полудрагоценных и поделочных (цветных) камней на случай их похищения (по тарифу 1%). Максимальная сумма, на которую заключаются договоры, — 5 тыс. руб.

● Договоры оформляются сроком на один год как на все предметы, относящиеся к той или иной группе, так и на отдельные из них. Ответственность органов Госстраха за эти предметы наступает только при заключении специальных договоров домашнего имущества.

● Подробнее ознакомиться с условиями и заключить договор можно в инспекции государственного страхования или у агента, обслуживающего Ваше предприятие, учреждение или организацию. Страхового агента можно пригласить на дом.

**Государственное страхование СССР.
Правление.**